

— Дядюшка, потерпи, — сказал Сяо Ду, расстёгивая одежду и обнажая перевязанную мною рану на плече.

Пахнуло кровью. Не знаю почему, но меня охватила странная жажда. Я невольно сглотнул слюну. Не дожидаясь, пока он снимет повязку, я уже потянулся к его ране, чтобы вдохнуть её запах, и тут же сам испугался себя.

Что происходит? Я что, хочу пить его кровь?

Я изо всех сил сдерживался, стиснув зубы. Сяо Ду надавил на рану пальцем и поднёс окровавленный палец к моим губам.

— Дядюшка, это яд от насекомых из варварских земель. Чтобы его подавить, нужна кровь невинного юноши.

Я нахмурился, усомнившись:

— Ты всё ещё невинен? Разве тебе не давали наложниц...

Сяо Ду опустил глаза:

— Я... не прикасался к ним.

Я больше не мог терпеть и взял его палец в рот, высосав немного крови. Но жажда не утихла.

— Ещё.

Сяо Ду выхватил нож, надрезал себе руку и поднёс её к моим губам. Я вцепился в его руку и жадно пил, пока дыхание не стало свободнее, а рана на предплечье не начала затягиваться, оставив лишь маленькую точку, похожую на пятнышко киновари.

— Что это за яд? Почему он такой... зловещий?

— Это колдовство племени чи, дядюшка. Не тревожься, сам по себе червь не причинит вреда. Но...

— Но что?

— Тебе придётся регулярно пить мою кровь, пока червь не умрёт. Тогда можно будет остановиться.

Когда этот парень успел связаться с колдовскими практиками?

Я нахмурился. Он взмахнул рукой, и У Ша, повинувшись, отступил, мгновенно растворившись в темноте.

— Какая связь между тобой, У Ша и Ван Усе? Когда ты с ними сблизился? Когда посланники из Чи приезжали в прошлый раз... или ещё раньше ты уже... — тихо, но настойчиво допрашивал я, жажда узнать ответ. Сяо Ду в будущем может стать угрозой для Мян. Мне следовало заранее продумать план, как от него избавиться.

— Дядюшка, отец назначил меня наследным принцем, но церемонию интронизации всё откладывает. Ты прекрасно понимаешь почему, — помолчав, он добавил:

— Раз он использует меня лишь как щит, а за моей спиной нет поддержки рода, мне волей-неволей приходится искать других покровителей. Дядюшка угадал: это было, когда посланники из Чи приезжали в прошлый раз. Я через людей передал весть Ван Усе.

Я задумался, и внутри всё похолодело. Если бы Бай Ли не заподозрил неладное с У Ша, а я сегодня случайно не подслушал их, я бы никогда не узнал, что Сяо Ду тайно связан с племенем чи. Внешне я сохранял спокойствие и лишь насмешливо хмыкнул:

— Ты понимаешь, что это преступление — тайные сношения с врагом и измена государству? Для принца это двойная вина. Я от тебя такого действительно не ожидал.

— Дядюшка, я ведь всего лишь ублюдок. Просто очень хочу выжить.

В темноте я не видел его лица, но в звуке его смеха уловил кровожадную жестокость. Мне стало холодно.

Чем теснее я сближался с этим парнем, тем больше понимал, что он непрост.

Раз уж он вступил в сговор с племенем чи, у него наверняка есть план, и вынашивал он его не день и не два.

— И что же ты... задумал?

— ... — Сяо Ду что-то тихо пробормотал. Я не расслышал и придвинулся ближе. Ухо моё коснулось его губ. Сяо Ду вздрогнул и отстранился. Меня это раздосадовало, но я отчётливо услышал, как он сглотнул.

— Дядюшка... можно... можно я тебя поцелую?

Я остолбенел, решив, что ослышался.

— Один поцелуй... и я всё расскажу.

Не веря своим ушам, я пришёл в ярость. Резко повернулся и уставился на его лицо, скрытое во тьме.

Он прищурился, его зелёные глаза слабо светились в темноте.

— Только один.

Вот наглец! Как он смеет выдвигать мне такие условия!

— Говоришь или нет?

Не успел я договорить, как Сяо Ду вдруг прикрыл мне рот ладонью:

— Дядюшка, кто-то идёт.

Со стороны палаток послышались несколько цепочек шагов — стражники, привлечённые шумом. Сяо Ду обхватил меня и прыгнул на дерево. С высоты я увидел, что шатёр Ван Усе яростно раскачивается, а внутри мелькают сцепившиеся тени — будто кто-то бьётся. Две полуодетые женщины выбежали из шатра, а затем и сам Ван Усе, шатаясь, вывалился наружу. Расстёгнутая одежда открывала грудь и живот, покрытые алыми точками — уже проступала кровь. Зрелище было ужасающим.

Меня охватил ужас. Я вспомнил о коробочке с вэнна, что дал седьмой брат. Неужели он из-за пятой сестры отравил Ван Усе?

Безрассудно! Крайне безрассудно!

Крики раздавались со всех сторон. Стражники, дежурившие у шатров, подняли с земли Ван Усе и понесли его обратно. Воины из Чи, сопровождавшие его, бросились вперёд, не позволяя слугам прикасаться к своему вану.

В хаосе кто-то первым бросился в драку. Две стороны схлестнулись, и вот-вот могла разгореться настоящая резня.

Шум потревожил и Сяо Ланя. Он стремительно вышел из шатра и, увидев эту картину, испугался за свою безопасность. Приказав телохранителям защитить его, он попытался остановить дерущихся стражников двух стран. Но варвары, видя, что их ван лежит без сознания, от природы буйные, и слушаться императора чужой страны и не думали. Они уже обнажили клинки и с угрозой двинулись на Сяо Ланя.

Особенно выделялся У Дунь. Грозный, стремительный как молния, он ринулся к Сяо Ланю. Длинный кнут в его руках извивался, словно дракон или питон. Два-три удара — и двое лучших дворцовых телохранителей перед Сяо Ланем отступили, не выдержав натиска. Сяо Лань, никогда не сталкивавшийся с доблестными военачальниками варваров, побледнел от страха, отступил на несколько шагов и скрылся в шатре.

— Дядюшка, не выходи, — Сяо Ду спустил меня с дерева, а сам, словно сокол, расправив крылья, опустился перед У Дунем.

Его движения были стремительны и точны. Он схватил длинный кнут, дёрнул на себя, подсек У Ша (Ошибка в черновике: ранее был У Дунь, здесь У Ша — сохраняю как в оригинале, но в контексте вероятно описка, должен быть У Дунь) ногой, повалил на землю и придавил коленом к груди.

— Кто посмеет самовольно действовать в моём, принца, охотничьем лагере в Мяне, того я казню!

Я прищурился, не понимая, в какую игру он играет.

— У Дунь, что вы творите? Немедленно отступите! — в самый критический момент раздался женский голос.

Воины чи замерли.

Из шатра вышла, откинув полог, прекрасная У Цзя. Она быстрыми шагами направилась к Ван Усе, и воины расступились. Сяо Лань поспешно велел придворному лекарю осмотреть Ван Усе, но У Цзя покачала головой. Она опустилась на колени перед уже недвижимым ваном, достала из-за пазухи кроваво-красную пилюлю, растёрла её в руке и вложила ему в рот.

Спустя некоторое время Ван Усе извергнул изо рта чёрную кровь и медленно пришёл в себя. Губы его зашевелились, словно он хотел что-то сказать.

У Цзя склонилась, приложила ухо к его губам, выслушала, затем подняла голову и, глядя на Сяо Ланя, произнесла фразу.

Её слова повергли всех в шок.

— Яства и вино на пиру были отравлены.

В ту же ночь всех слуг, присутствовавших на охоте, бросили в судебную палату для строгого допроса. К утру результатов не было.

Ван Усе не пожелал оставаться и на следующий день отправился в обратный путь в царство Чи. Сяо Лань же, пережив сильный испуг, заполучил рецидив старой болезни.

Три дня спустя Ван Усе скончался в пути. Сопровождавшие его войска чи тут же взбунтовались, учинив смуту в Цзичжоу.

Бай Яньчжи поднял войска для сопротивления, что встревожило пограничные гарнизоны Чи, и стороны зашли в тупик.

Согласно донесениям лазутчиков Бай Яньчжи, в царстве Чи шли споры о выборе нового вана и о том, начинать ли войну. Двор раскололся на две фракции. Большинство сановников и знати, подчинявшихся ванне Чи, желали сохранить мир с Мянem. Другую фракцию составляли в основном воины низкого происхождения, желавшие возвести на престол мятежного военачальника У Дуня и напасть на Мянь. Хотя ванна держала в руках реальную власть, У Дунь был полон амбиций, и под его началом было более двадцати тысяч воинов чи — силу недооценивать было нельзя.

Мятеж на западных рубежах только утих, а на северных уже запахло порохом. Если война вспыхнет на двух фронтах одновременно, весь северо-запад окажется в опасности.

Чтобы успокоить двор царства Чи, Сяо Лань, едва оправившись от болезни, объявил о возведении принцессы У Цзя в ранг императрицы.

Церемония была назначена на день осеннего равноденствия. В тот же день Сяо Ду должен был быть официально объявлен наследным принцем и сочетаться браком с назначенной ему в невесты принцессой У Чжу. Это событие, празднуемое по всей Поднебесной, было обставлено небывалой пышностью, масштаб церемоний также был беспрецедентным.

Услышав залпы праздничных пушек, я спрятал тайное письмо от седьмого брата и сжёг его на свече.

Мотылек, метнувшийся в поднимающееся пламя, обратился в пепел вместе с бумагой.

Следствие по делу об отравлении Ван Усе в судебной палате дало результат. Хотя седьмой брат и не был замешан, Сяо Лань непременно воспользуется этим предлогом, чтобы нанести удар.

— Верховный император, пора отправляться.

Услышав тихий зов Шунь Дэ, я лениво поднялся, накинул согревающую соболью шубу, вышел и сел в паланкин.

Осенний ветер был пронизывающим, с налётом смертельной стужи, но высокие стены дворца не пускали холод внутрь.

Вскоре мы прибыли к Чертогу Цзюяо, где должна была состояться церемония. По мере приближения залпы пушек становились оглушительными, заставляя сердце трепетать.

Я выдернул несколько волосков из меха шубы, скатал их в комочек и заткнул уши, прежде чем откинуть занавеску паланкина.

Перед Чертогом Цзюяо открывалось величественное зрелище.

<http://bllate.org/book/15952/1426411>